

Если верно, что по Шкловскому «Толстой... описывал жизнь не такой, какая она есть, а такой, какая она должна быть», то Толстой в Туле – не такой, какой должен быть.

Вернее, не такой, каким его описывали литературоведы.

Толстовцы и толстововеды нам ввали. Толстой не был угрюмым анахоретом.

Тульский Толстой весёлый, красочный, любящий комфорт и уют. Тульский Толстой любит хорошо поесть.

Именно он написал роман «Еда и мир».

Ещё больше всего на свете Толстой любил Стиву Облонского.

Во всяком случае об этом явно свидетельствует кафе «Стива», что возле Кремля.

В сувенирной лавке по соседству со «Стивой» можно найти разнотравье носков: «Всё смешалось в доме Облонских».

И это очень верно, поскольку носки имеют особенность теряться, уходить, как Толстой из Ясной Поляны, потом неожиданно находиться совершенно в незнакомом месте. И уже с другими.

Кстати, уход Толстого увековечен целым рядом станций. Из них можно составить отдельную железную дорогу. Или направление: Толстой.

В городке Щёкино, откуда Толстой покинул Ясную Поляну, чтобы очутиться на станции Астапово, теперь, благодаря Толстому, пафосный вокзал.

На этом вокзале, где не останавливается ни одна уважающая себя электричка или поезда, сидит каменный идол, естественно, Толстой. А рядом растёт дуб, что вырос из жёлудя, который то ли принёс Толстой, когда бежал из Ясной Поляны, то ли толстовцы, устремившие свои стопы вслед за ним.

Хитрость в том, что ближайшая к Ясной Поляне была и есть станция Козлова Засека. Вся семья бросилась искать Толстого на Засеку, а он пошёл в Щёкино, хотя Щёкино и дальше.

В Щёкино на самой станции нет ничего, кроме памятника Толстому, но возле множество заведений, где можно утолить тоску по классике.

Желтушного цвета гадюшня прямо-таки рядом – работает круглосуточно.

Здесь, видимо, заседает секция толстоведов, а по соседству два глиняных коня, скачущих в никуда, и вагон, на котором классик уехал в последний путь в Астапово:

«Вокзал был окружён толпой. Все кричали. Мелькали шинели городских. Они оттесняли народ. Чудом нам удалось в вокзал протиснуться сквозь толпу! А там – там отходил последний поезд на станцию Козлову Засеку под Тулой (туда ждали гроб с телом Льва Николаевича). Мы кидались от кассы к кассе – безнадёжно: везде – толпа. Вдруг мелькнуло Марине знакомое лицо: девушка её лет пробивалась к ней. Следом – бледный гимназист с растерянным лицом.

– У нас не хватает денег! – кричали они в отчаянье. – Попасть в Засеку можно, только взяв билеты первого класса! Второй класс весь продан...»

Так писала о смерти Толстого Анастасия Цветаева. Старшая сестра была с нею рядом и отморозила ноги.

А вот на Козловой Засеке утолить тоску нечем.

На Засеке мемориальный музей, напоминающий кладбище. Тишину нарушают вездесущие туристы.

В сувенирной лавке можно купить, правильно, толстовку с такой вот надписью:

«Как же надо жить, чтобы быть счастливым, и отчего я не был счастлив прежде?»

Для того, чтобы проверить справедливость толстовской максимы, надо хотя бы стать обладателем Ясной Поляны, большого семейства и домика в Москве на Пречистенке.

Или проще понять опрощение и отказ от удовольствий, когда всего этого не имеешь?

Кстати, Ясную Поляну в бурной молодости Толстой чуть было не проиграл в карты. Недаром у Шкловского большой, как вокзал в Щёкино, том «Лев Толстой» начинается со слов:

«Дом Толстого в Ясной Поляне стоит как-то косо»...

Зато прочно в Ясной Поляне обосновался правнук Толстого – Владимир Ильич. Вот Владимир Ильич в отличие от прадедушки никуда из Ясной Поляны не уйдёт.

Так что Тула со своими самоварами, пряниками, Левшами и блохами, Чёртовым колесом в парке культуры и отдыха, патронным заводом, который производит патроны и продаёт их в Штаты, может спать спокойно.

Со времён графа мало чего изменилось. Но «Не могу молчать» писать некому.

Писатели перевелись или заелись. И Толстой нынче не тот, ненастоящий.

Да и Тула не такая, какой должна быть, а такая, какая есть. Была и будет...

г. Жуковский